

ГЛАВА 1

— Если молодая жена будет три года бережно хранить лепестки роз, которые в первую брачную ночь раскидал у постели жених, то они превратятся в носки.

Я услышала эту фразу, обернулась и увидела, что около стеллажа с губной помадой стоит женщина с растерянным выражением лица.

— Любовь не длится вечно, — продолжала она, — сначала цветы-конфеты, потом повсюду носки и слова: «Жить с тобой невозможно, где та женщина, на которой я женился?» Глупую фразу здесь написали!

— Где? — не поняла я.

— А вот там, — произнесла незнакомка и показала пальцем вверх.

Я машинально отметила, что на запястье у нее браслет, дешевая бижутерия, которая продается повсюду, подняла голову и увидела под потолком воздушный шар, его украшала надпись: «Купите новинку «Бак» — пудру «Вечная страсть», и муж всегда будет осыпать вас лепестками роз». Из моей груди вырвался стон. Что самое страшное для фирмы? Креативный пиарщик, который без совета с начальством решил устроить рекламную

акцию. Ох, найду я сейчас этого Тяпкина-Ляпкина!

— Эй, ты куда? — заорал грубый мужской голос.

Я повернулась на звук. Толстый охранник решительно преградил вход в торговый зал скромно одетой старушке.

— Хочу сделать покупки, — спокойно ответила та.

— Не для нищих магазинов, — заявил секьюрити, — ступай через дорогу, там в подвале «Всё по одной цене» подберешь себе кусок мыла.

— Молодой человек... — сохраняя полную невозмутимость, начала старушка.

Но я уже ринулась к хаму и велела:

— Немедленно идите в служебное помещение.

— Етить! — заморгал мужик. — Че не так?

Я улыбнулась старушке и сделала приглашающий жест рукой.

— Мы рады вас видеть. Девиз компании «Бак» — «Наши покупатели — наша семья». Извините охранника, он внезапно заболел, похоже, подцепил какой-то вирус, не понимает, что говорит. Сейчас его заменит другой сотрудник. Алевтина!

Из-за стеллажей выбежала управляющая.

— Слушаю вас, Степанида!

— Помогите, пожалуйста, даме, проведите ее по залам, — приказала я, — на кассе сделайте на весь отобранный ею товар мою личную скидку. Не сомневаюсь, что у покупательницы есть деньги, но я хочу урезать чек как извинение за грубость, которая сейчас прозвучала.

Аля расплылась в улыбке.

— Желаете приобрести кому-то подарок? Или себя побаловать? Чай, кофе, вода, свежевыжатый сок? Не хотите отдохнуть в нашем кафе за счет заведения?

Я с одобрением кивнула. Молодец, тут же поняла, что к чему.

— Спасибо, милые, — поблагодарила нас пенсионерка и улыбнулась, — уж не карайте строго молодого человека, он же заболел, инфекция виновата.

Старушка вместе с Алей направилась в зону шампуней. Я посмотрела на охранника.

— Уходите.

— Куда? — спросил тот.

Я пожалала плечами.

— Домой, или в парк, или в любое другое место.

— До обеда еще далеко, — возразил секьюрити.

— Вы уволены, — пояснила я.

— Ну ваще! За что? — заморгал хам.

Я нашла взглядом бейджик на его форме.

— Владимир, причина вашего отстранения проста: вы не пустили в магазин потенциального покупателя.

— Кого? — опешил грубиян.

Я подумала, что малограмотный мужик не знает значения слова «потенциальный».

— Пожилая дама хотела что-то приобрести, а вы остановили ее и стали разговаривать в непроизвольном тоне.

Владимир цокнул языком.

— Етить! Дама! Ваще! Бабка из желтого дома! Да таких надо вон тряпкой гнать!

Я постаралась сохранить спокойствие.

— Фирма «Бак» рада всем. Говорить оскорбительные слова не следует даже пьяному парню, вот его нужно притормозить на пороге. А уж к женщине в годах надо относиться с большим уважением.

— Везде, где я работал, велели гнать бомжей, нищих, грязных, вонючих, — перечислил охранник.

— Слушай, прекрати! — не выдержала молодая женщина, которая сидела за кассой. — Вместо того, чтобы старушке хамить, лучше смотри внимательно за той бабой!

Кассирша показала рукой в сторону женщины, которая стояла спиной к нам у стенда с косметическими.

— Зачем? Ходит себе тихо, — пожал плечами секьюрити.

— Она из дурки удрала, — сказала сотрудница магазина, на груди которой висел бейджик с именем Наталья.

— Не пори чушь, — отмахнулся хам.

— Ну точно, посмотри на ее обувь! — не успокаивалась Наташа. — В психушке очень хороший невропатолог, моя мама после инсульта у нее наблюдается. Я захожу к врачу за рецептами. Все больные бабы там ходят в таких кроссовках, им их выдают!

— Перестаньте спорить, — остановила я беседу, — женщина абсолютно нормальна. Я только что с ней говорила. Да что у нас в магазине творится! Охранник хамит! Кассирша незнакомку, посмотрев на ее обувь, объявляет сумасшедшей! И...

Я замолчала. Степа, не нервничай. Ты не в главном бутике в Москве, это город Фурск, довольно большой, здесь аж два театра есть и населения много. Но магазин «Бак» только неделю как открылся, персонал не вышколен. Я подавила волну гнева и ровным тоном продолжила разговор:

— Владимир! Вы неправильно поняли свои обязанности. Впускать в магазин нужно всех.

— Даже того, кто десять дней не мылся и воняет хуже помойки? — уточнил секьюрити.

— Да, — кивнула я, — но тут же позвоните Сергею или Леониду, кто-то из них выйдет и проведет такого человека по залам. Вероятно, неопрятный покупатель просто грязнуля или не имел возможности помыться, ехал сутки в поезде и сразу к нам явился, или у него на мыло-шампунь аллергия. Но посетитель ведет себя прилично, пришел за подарком для мамы-жены-бабушки. Ему покажут товар, человек-сыр его купит и уйдет.

— Сыр? — удивился Владимир. — Здесь чем продуктами тоже торговать будут?

Я на секунду замолчала. Ехидные французы называют «человеком-сыром» того, кого в России именуют бомжом. Почему? Самый вкусный, выдержанный французский бри пахнет так, что я ем его не дыша. Понятно, да? Но я не стала ничего объяснять секьюрити, просто продолжила:

— Ваши резкие действия потребуются в случае драки, отказа платить, скандала, грабежа. Пока ничего криминального не происходит, нужно радушно встречать любого посетителя. Бедно одетая

старушка мало похожа на буянку, и она возможный покупатель.

— У этой точно бабла нет, — гаркнул Владимир.

— Откуда вы знаете? — вскипела я. — В Париже на бульваре Сен-Жермен у метро «Одеон», возле магазина «Оптика» всегда днем сидит пожилая женщина с белой собачкой. Она вяжет пинетки и продает их по цене «сколько вам не жалко». На вид даме триста лет, кое-кто из наивных туристов верит гидам-шутникам, которые с самым серьезным видом заявляют, что госпожа была ближайшей подругой Марии-Антуанетты, чудом избежала в тысяча семьсот девяносто третьем году казни вместе с королевой и сейчас пытается выжить на копеечную пенсию, которую ей определило жадное правительство. Но на самом деле эта женщина владелица более десятка домов в шестом округе, сдает квартиры, с деньгами у нее полный порядок. Почему она сидит у метро? Потому что одинока, семьи нет и не было, ей нравится находиться в гуще людей. Мадам обожает вязать пинетки, полученные деньги относит в церковь Сен Сюльпис, которая находится в паре шагов.

— Нищая бабка из желтого дома, — тупо повторил охранник.

— Да хоть из синего! При чем тут цвет дома? — не поняла я.

И тут в магазин вошел человек, наряженный в костюм кролика. Понять, кто он: мужчина или женщина, было невозможно. Мешковатый костюм полностью закрывал фигуру, огромная голова не позволяла судить о реальном росте, на ногах были

карикатурно большие ботинки. Примерно полчаса назад «зверь» появился на площади через дорогу от магазина «Бак», там находится торговый центр. «Кролик» бегал на парковке, наверное, он что-то рекламировал, раздавал листовки редким водителям. И, скорей всего, это девушка, ей захотелось в перерыв посмотреть нашу косметику. Из костюма вылезать трудно, голову самой не снять, на отдых небось положено минут пятнадцать, вот она и притопала в бутик во всей своей красе.

— Вы только приехали, — обиженно загудел охранник, — ничего не знаете, а пытаетесь сразу свои порядки навязать. В желтом доме квартиры получила пьянь, рвань, голытьба, нищета убогая. Копеек на хлеб у них нет! У супермаркета разбираются или на автовокзале огрызки гамбургеров ищут. А я живу в красном здании с лучшими людьми города: врачами, бизнесменами и, между прочим, хозяином этого магазина. Могу ему на тебя пожаловаться. Бабку, перед которой ты ковром стелилась, я отлично знаю, ей на кефир не хватает, а она сюда приперлась. Не покупатель она, просто шляется.

— Владелец этого бутика живет в Москве, — вздохнула я, — у меня нет желания вести далее бесцельную беседу. Уходите.

— Нельзя так с работы увольнять, — разозлился Владимир.

Входная дверь закрутилась и впустила еще одного покупателя, опять ряженого, на сей раз «утенка». Я его ранее на парковке не видела, наверное, он работал у другого входа. Очередная ростовая

фигура направилась к стеллажу с надписью «Идеи для дня рождения».

— По закону меня обязаны за две недели предупредить, — продолжал возмущаться грубиян.

— Получите компенсацию, — пообещала я, — уходите.

— Ты не мой начальник, — уперся мужик.

— Соловьев, лучше по-тихому сваливай, — сказала девушка за кассой.

— Молчи, дура! — зашипел секьюрити и показал пальцем на старушку, которая стояла у витрины с губной помадой. — Все я правильно делал! Она придурковатая, живет с тремя кошками, самой жрать нечего, а им покупает мясо...

— Владимир, — повысила я голос, — покиньте торговый зал.

— Понаехала, понимаешь, из Москвы, — пошел вразнос охранник, — решила в моем городе свои правила устанавливать? Так я объяснить могу, что ты не права!

— Вы мне угрожаете? — спокойно спросила я. Владимир плюнул на пол.

— Да пошла ты ...! Меня на службу брал Вадим Григорьевич! Ты тут никто! ...!

Я вынула мобильный, быстро соединилась с нужным номером, собралась заговорить, и тут «утенок» резко развернулся, в его руке сам собой возник пистолет.

— Всем лечь! — заорал он странным голосом. — На пол!

Мне сразу вспомнилось первое апреля, Роман тогда нарядился жирафом, поймал меня у дома

и долго упрасивал купить ножеточку. А я не узнала мужа, потому что он положил за щеку какую-то штуку и говорил так же, как сейчас бандит.

«Кролик» тоже вытащил оружие, он действовал молча, а «Дональд Дак» продолжал:

— Если будете выполнять наши приказы, никто не пострадает! Эй, гони вырубку!

Кассирша не шевелилась, грабитель приблизился к ней, оперся ладонями о прилавок. Охранник шлепнулся на пол, закрыл затылок ладонями и завопил:

— Не трогайте меня! Я не работаю здесь, только что уволился! Стреляйте вон в ту девку, в молодую. Она тут главная! У нее сейф в кабинете, там миллионы.

«Кролик» резко свистнул два раза, «утенок», который смотрел на кассиршу, поднял голову и направил оружие на женщину в длинном платье, ту самую, что рассказывала мне про лепестки роз, превращающиеся в носки. Покупательница, которая почти успела добраться до двери, заговорила:

— Магазин закрывается, я уйти хочу, мне кофе не надо, спасибо, лучше без сахара.

Грабитель сделал резкое движение, стул вместе с кассиршей опрокинулся на пол, прозвучал выстрел. Мне показалось, что время на секунду остановилось. Ростовые фигуры замерли на месте. Посетительница у двери взмахнула рукой и стала падать спиной на пол. Ее затылок ударился о плитку, голова подскочила и снова опустилась, широкая юбка взметнулась и опала на ноги. Меня потянуло вбок, я не пойми как очутилась под столом, на котором были выстроены

башней наборы для бани. Я почувствовала резкий аромат лаванды и вроде корицы, слышались беспорядочные выстрелы, топот, хлопок двери. Потом повисла зловещая тишина.

Когда она стала почти невыносимой, я осторожно приподняла голову, увидела прямо перед собой дешевый браслет, который ранее заметила на руке покупательницы. Я зачем-то потянулась к копеечному украшению. Торговый зал завертелся волчком, потолок поехал вниз. Я испугалась и опять уткнулась носом в плитку.

ГЛАВА 2

— Уважаемая Степанида, — стараясь быть приветливым, произнес полный мужчина в мятых серых брюках и давно не модной рубашке, которую явно следовало купить на размер больше, — вы знаете, где находитесь?

— Конечно, — кивнула я, — в местной больнице, и могу вас заверить: я совершенно здорова. Вы врач?

— Нет, начальник полиции Фурска, Зиновьев Юрий Петрович, — представился незнакомец. — Что случилось в магазине?

Я села.

— Вам подробно излагать или не очень?

— Желательно со всеми, даже мельчайшими деталями, — уточнил толстяк.

Я нашарила босоножки.

— Зря только койку занимаю. Отлично себя чувствую.

— Значит, сейчас мне все по порядку и доложите, — обрадовался Зиновьев, — а то уж я приуныл, остальные, кто в живых остался, пребывают в истерике.

Я вздрогнула.

— Те, кто в живых остался? Есть погибшие?

Полицейский кашлянул.

— Лучше ответьте: что вы помните?

Я пожала плечами.

— В бутике появились ростовые фигуры, одну я видела ранее на парковке через дорогу, не удивилась, такие рекламу раздают. Решила, что у них обед, вот и зашли на наш товар взглянуть. Когда началась стрельба, я уткнулась лицом в пол и лежала так до тех пор, пока какая-то женщина не завизжала. Лишь тогда я подняла голову, увидела, что охранник и дама у дверей остались лежать на полу, когда остальные: кассирша, управляющая Алевтина, пожилая дама — вскочили. Больше никого не было. На пороге истошно орала какая-то тетка, но она при ограблении не присутствовала, похоже, вошла, когда двое в костюмах уже удрали. А потом в глазах все поплыло, завертелось... Очнулась я здесь.

— Странно, что в большом магазине народа совсем не было, — прищурился Зиновьев, — как правило, в торговых точках толпы снуют.

Я застегнула босоножки.

— Очень хочется кофе, но я не знаю ваши рестораны. Можете посоветовать, где готовят вкусный капучино?

— Доктор намерен понаблюдать за вашим со-

стоянием, — попытался остановить меня Юрий Петрович.

Я схватила сумочку.

— В магазине «Бак» сейчас работают ваши специалисты?

— Точно, — согласился Зиновьев.

— Подскажите адрес хорошего трактира? — поинтересовалась я.

— В соседнем здании есть приличное кафе, — ответил полицейский.

— Пошли, — скомандовала я, — не люблю больницы и чувствую себя совершенно здоровой.

— Еще упадете в обморок, — испугался Юрий Петрович, когда мы очутились на улице, — знаю я таких! Хорохорятся, заявляют: «Да я не испугался нападения». И через минуту бряк, на полу валяются!

— Клиника недалеко, я вешу немного, отнесете меня назад, — хмыкнула я, — надеюсь, там, куда мы идем, кофе не такой мерзкий, как в Париже.

Зиновьев изумился.

— Неужели во Франции варят плохой капучино?

— Отвратительный, — ответила я, — нет, есть места, где кофе прекрасный, но их надо знать. А вот в Италии вам даже на бензоколонке такой латте нальют, что вы стакан вылизете.

— Нам сюда, — скомандовал Зиновьев и открыл дверь.

Я окинула взглядом пустой зал.

— Уверены, что тут хорошая кухня? Отсутствие клиентов во время бизнес-ланча плохой знак.

— Цены у нас московские, — вздохнул Юрий Петрович, — а зарплаты фурские. Налицо перекося не в пользу трудящегося человека.

— Давайте сядем не у окна, а в углу, — предложила я.

— В магазине «Бак» тоже почти никого не было, — заметил полицейский, сделав официантке заказ. — По какой причине вы у нас решили торговлю открыть?

Я вынула из кармана мобильный.

— У моего мужа Романа Звягина, владельца фирмы «Бак», есть друг юности Илья Ковригин. Наверное, вы о нем слышали.

Юрий Петрович кивнул.

— Я всю жизнь в Фурске. Здесь родился, учился, пригодился. Помню, раньше в городке одна школа была. Кому ее окончить удалось, те уезжали учиться куда подальше: в Москву, Питер. Отец Ильи Алексеевича был, как теперь говорят, мэром. Он Фурск поднял. Мой отец личным шофером у Алексея Михайловича служил, мы жили у него на участке, в квартире над гаражом.

Юрий Петрович махнул рукой.

— Все, хватит моих воспоминаний. Значит, ваш муж дружит с господином Ковригиным?

— Да, — подтвердила я, — они в институте учились в одной группе. Потом стали заниматься бизнесом, правда, разным. Илья теперь мэр Фурска.

— Точно, наш нынешний мэр, сын прежнего хозяина города, — улыбнулся собеседник, — чему мы, коренные жители, только рады. Город расцвел! Население к полумиллиону подкатывает, сервис

столичный. Одно плохо, понаехали гастарбайтеры, есть нелегалы. С другой стороны, где их теперь нет?

— Илья предложил Роману открыть у вас бутик «Бак», — продолжала я, — место выбрали очень удобное, в самом центре.

— Да уж, — согласился Зиновьев, — зыкое. Фурску много лет, он начинался с Дровяной площади, ее так называли, потому что при Екатерине там торговали поленьями. От нее расходятся лучами улицы. Если на наш город с высоты птичьего полета посмотреть, он похож на раздавленного ежа. Тушка лежит, от него во всех направлениях иголки пыряются.

Я взяла у официантки чашку. А полицейский — романтик, сравнить Фурск с несчастным ежиком не каждый додумается.

— Никто из местных или приезжих мимо вас не пройдет, — продолжал Юрий Петрович.

— Очень надеюсь, — улыбнулась я, — все наши торговые точки одного дизайна, та, что в Фурске, ничем не отличается от магазина в Москве. Пока покупателей совсем мало, но мы только открылись, сразу большого наплыва мы и не ждем.

— Вы давно замужем? — прищурился мой собеседник.

— Не очень, — улыбнулась я.

— Чего же он вас подальше от себя отправил? — полюбопытствовал Зиновьев.

Вопрос, конечно, беспардонный, такой даже близкой подруге задавать не рекомендуется. Но мужчина, который сидел напротив меня, не был

грубияном, полицейский всегда на работе, даже если он мирно пьет с тобой кофе. Я сделала глоток из чашки.

— До Москвы рукой подать. Я приехала проверить, как началась работа, провести несколько мероприятий, снять рекламный ролик. Командировка на несколько дней.

— Где учились-то? — продолжал допрос Юрий Петрович.

— Когда-то я пришла в «Бак», не имея специального образования, носила чемодан за нашим главным визажистом, гениальным Франсуа Стефано Арни, постепенно научилась у него мастерству. Сейчас заведу департаментом выставок, шоу-показов и рекламы, — ответила я.

— Ух ты! — восхитился Зиновьев. — Хорошо, когда муж начальник.

Я промолчала. Бесплезно объяснять людям, что я сама всего добилась. Мы с Романом долго состояли в дружбе, но почти все в «Баке» были уверены, что я сплю со Звягиным, поэтому и скачу так прытко вверх по карьерной лестнице. Теперь же в спину мне доносится шепоток: «Конечно, Роман Глебович женился на молоденькой, пляшет под ее дудку». Сначала я обижалась, переживала, потом привыкла. Кстати, Звягин не старик, а я талантлива, умна и работоспособна.

— Как кофе? — осведомился Зиновьев.

— Прекрасный, — воскликнула я и не покрывила душой.

— Так что случилось в магазине? — снова задал вопрос полицейский.

— В зале на первом этаже бродила покупательница, я с ней поговорила, — начала вспоминать я. — Потом увидела, что охранник не пустил пожилую женщину, стал гнать ее, нахамил старушке. Я уволила Владимира, тот расвирепел и объяснил, почему прогонял прочь старуху: та живет в желтом доме, а он сам в красном. Бабка, мол, нищета, а он элита. На мой взгляд, это полный и окончательный бред. Ой!

Я осеклась, потом тихо осведомилась:

— Он умер? Пока ехали «скорая» и полиция, охранник лежал на полу и все время твердил: «Смерть пришла!»

— Жив, — успокоил меня полицейский. — Пуля угодила ему в ногу, да так удачно попала, что ничего важного не задела, ни кость, ни крупные сосуды. Навылет прошла, фигня, а не рана. Значит, охранник скандалил. Дальше что?

— Появилась ростовая фигура, которая на парковке у торгового центра ходила, — повторила я уже один раз сказанное, — я видела ее примерно минут за десять до ограбления из окна. Помнится, я решила, что у «кролика» перерыв, он забежал, не сняв костюма, поглядеть, что в новом магазине да как. Следом возник «утенок», он встал около кассирши, потребовал деньги. «Кролик» свистнул. Кассирша перепугалась, упала вместе со стулом. А та посетительница, с которой я беседовала, оказалась почти у двери. «Утенок» что-то у нее спросил, дама понесла чушь, очень испугалась, похоже. «Утенок» выстрелил. Я упала на пол лицом вниз, голову закрыла, ничего не видела, только звуки слышала. Затем наступила тишина, а после раздался крик. Всё.

ГЛАВА 3

— Наташа жива, — сказал полицейский.

— Вы про кассиршу? — обрадовалась я. —
Очень милая девушка.

— Знаю ее, — заметил Юрий, — в одном доме когда-то жили. Сытина со всех сторон положительная. В школе хорошо училась, потом в медицинское училище в Москве поступила, работала в столице, но ей вернуться пришлось. Мать у нее инсульт разбил, ухаживать некому было. Хорошо, что Нату не задело. Вот другой женщине не повезло. Она умерла, личность ее пока не установили, документов никаких при ней не было.

— На кредитке обычно фамилия указана, — подсказала я.

Зиновьев начал подбирать пальцем крошки кекса с тарелки.

— Без кошелька она была.

— Странно, — удивилась я, — в магазин зашла, товар рассматривала.

Юрий Петрович засмеялся.

— Неужели вы никогда с такими не сталкивались? Моя благоверная частенько говорит: «Охота отдохнуть, пойду в торговые ряды». Я ее сразу предостерегаю: «Денег лишних нет». Иногда она мне скандал закатывает, но чаще отмахивается: «Не дрожи, не на шопинг собрались, на зыринг». Вот вы можете мне объяснить, в чем тут удовольствие? Бегать по лавкам, вещи мерить, продавцов гонять и ничего не купить?

— Трудно понять женщину, — сказала я, — да

и не надо. Каждому свое. Лично я удивляюсь: в чем прелесть сидения с удочкой на берегу? Встать на рассвете, далеко ехать, устроиться на речке, держа в руке палку с леской, и что? И ни одной рыбешки не поймаешь!

— Да ты чего? — отбросил церемонное «вы» полицейский. — Воздух пить можно, тишина вокруг, никто не зудит, не орет, мобильный не работает. Бутылочку у берега зарыл, костер запалил, супец сварил, с друзьями сел, по маленькой хряпнул... Лепота! Домой благостный приезжаешь. А рыба? Так я ее кошке в магазине куплю. А супруга моя возвращается после своего зыринга усталая, потная, злая. На меня налетит, найдет повод скандал затеять. Иззырилась вся! Я после рыбалки довольный, жена, «отдохнув», огнем плюется. И чей релакс лучше? Глупые бабы, однако.

— Так возьмите супругу с собой на рыбалку, — посоветовала я.

Зиновьев замахал руками.

— Ну, нет! Ловля рыбки личный кайф. Не один я такой. Каждому надо от суженой отдыхать. Пару лет назад я задержал мужика. Через неделю его супружница заявила, давай разрешение на свидание просить. Я пообещал подумать, красотку выпроводил, а сам у подследственного поинтересовался:

— Ты как? Хочешь вторую половину лицезреть?

Он прямо посинел.

— Начальник, Христом Богом прошу, скажи ей: запрещено, карантин в СИЗО или что у меня

запрет за плохое поведение на свиданку. Дай хоть тут от пыли циркулярной отдохнуть.

Юрий Петрович потер шею.

— Не все женщины как баба-яга или деньгососущий пылесос. Но некоторые! Ничего тебе не показалось необычным?

— В ограблении? — уточнила я. — Потряс сам факт того, что я стала свидетелем происшествия. Выглядело все как в кино, но в реальности намного страшнее, чем на экране.

— Больше ничего? — не удовлетворился моим ответом собеседник.

— Да все непривычно, — воскликнула я, — вы же не думаете, что я каждый день оказываюсь в магазине, на который напали бандиты, лежу лицом в пол, а над головой летают пули. Странно...

— Что? — обрадовался полицейский.

— На дворе полдень, точка всего несколько дней работает, — начала я рассуждать, — логично предположить, что наплыва покупателей пока нет. Инкассация, как правило, приезжает под закрытие. Грабители что, идиоты? Они получили на двоих двадцать тысяч с небольшим.

— Вы знаете, сколько денег было в кассе? — удивился Юрий, который, похоже, никак не мог определиться, как ему ко мне обращаться: на «ты» или на «вы».

— Точную сумму не назову, но могу предположить размер их добычи, — объяснила я. — Рано утром мы с управляющей Алевтиной и моей помощницей обсуждали, куда лучше повесить плакат о начале конкурса «Модель города Фурска». Светлана

пошла за скотчем, хотели им баннер прикрепить. Хорошо хоть ее в зале в момент стрельбы не было. Я видела, как несколько человек сделали покупки. Пожилая дама купила для внучки подарочный чемоданчик с набором косметики и плюшевой кошкой. Там много всего лежит, но и стоит недешево, десять тысяч. Мужчина оплатил шампунь, а две девушки приобрели наши косметички. У одной получилось тысячи на три, у другой на пять. Мы придумали такую интересную штуку, можно взять у консультанта пустую сумочку для косметики и самой ее наполнить разным товаром. На все, что туда удастся запихнуть, скидка двадцать процентов, но есть условие: молния должна закрываться. Одна покупательница положит пару дорогих товаров, другая маленькими пустяками косметичку набьет. Потом я ушла в кабинет, стала звонить по телефону, узнала, что плакат про конкурс сделали намного большего размера, чем мне сказали ранее. Вернулась в зал, увидела в окно ростовую фигуру, потом все началось, меня не было минут десять. Ну вот, посчитайте, сколько денег в кассе осело. Не велика добыча у бандитов, а они серьезно готовились, костюмы приобрели. Столько хлопот, и пшик? Почему они вечером не появились? Улов тогда был бы больше.

— А спроси их! — поморщился Юрий. — Идите! Вот и весь сказ.

— Что за история с красным и желтым домами? — спросила я и подозвала официантку.

Зиновьев закатил глаза.

— Убогость человеческая. Фурск долго поселком считался, статус города получил в конце соро-

ковых годов прошлого века. Здесь построили завод по производству ДДТ. Знаешь, что это такое?

— Нет, — призналась я.

— В народе эту заразу называли дустом, — продолжил Юрий, — им травили вредителей на полях и тараканов, мышей в домах и магазинах. Повсюду его сыпали. Самолет над полем летал, распылял эту дрянь, букашки дохли. А потом коньки отбрасывали те, кто на грядках работал, и местные жители, которые ДДТ просто дышали. Когда выяснилось, что отравка вызывает кучу болячек, ее запретили. Наше население, когда завод построили, сначала туда побежало работать. Я в те времена еще не родился, родители рассказывали. Там платили хорошо, была надбавка за вредность, квартиру давали вне очереди. Поработали наши, плохо многим стало. Народ призадумался: хорошо трешку без очереди у государства откусить, да сколько ты в ней проживешь? Стали массово увольняться. Что делать директору? Городским начальником тогда тут не отец Ильи Алексеевича был. Другой человек, плевать ему на всех было, не особенно переживал за город, он решил пригласить чужаков, прописку им пообещали подмосковную, жилье. На пустыре для «гостей» поставили четырехэтажку желтого цвета. Квартиры там! Норы! Трехкомнатная двадцать семь квадратов, ванны нет, один душ, вместо кухни ниша. Но люди примчались, из всех углов СССР приехали. Дело было после войны, в стране мужиков мало, баб много, они сюда бросились. Москва рядом, надеялись судьбу свою устроить, да и с товарами-продуктами здесь было лучше, чем в провинции. Заселились

в желтый дом, и он сразу плохую славу приобрел. Женщины хуже мужиков пили, а уж злобные были! Если дрались, то насмерть.

В шестидесятых на заводе авария стряслась, чего-то у них взорвалось, закрыли предприятие. Но желтый-то дом с жильцами остался. Лет через десять на пустыре, рукой подать от здания с драчунами-выпивохами, разрешили построить кооператив. Это сейчас тебе таунхаусы-поселки на выбор. А тогда или жди от государства халупу, или с родителями в однушке ютись и мужа туда приводи. Но был еще один вариант для тех, кто деньгами обладал: кооператив. Советские писатели, композиторы, артисты в них жили. Но опять же, ты нехилую сумму внес, а дом поставят там, где исполком решит. Вот так и появилось элитное строение из красного кирпича. Его, словно в насмешку, возвели рядом с желтым.

Зиновьев взял у официантки чашку.

— Ну и понятно, что жильцы друг друга возненавидели. У одних конурки, другие в просторных хоромы живут. «Желтым» на кефир не хватает, у «красных» икра на столе, да не баклажанная. Школа тогда в Фурске была одна, дети вместе учатся. Не дай бог богатому мальчику бедная девочка понравится. Такие пьесы разыгрывались! Шекспир нервно плачет в сторонке, не пришли ему в голову подобные сюжеты. Когда отец Ильи Алексеевича мэром стал, жизнь в Фурске забурилась. И что мы сейчас имеем? Те, кто когда-то в «красном» здании жил, давно оттуда съехали, особняков построили. Но не все, кое-кто спился, дети-забудыги в роди-

тельских хоромах кукуют. У «желтых» та же картина, одни из грязи вылезли, денег заработали, бизнес завели, другие как в дерьме жили, так в нем и бултыхаются. Красный дом давно перестал считаться элитным, он, конечно, лучше желтого, да не-намного. И там, и там живут неудачники, лентяи, алкоголики плюс немного нормальных людей, которым просто в жизни не повезло. Но что смешно: до сих пор «красные» перед «желтыми» нос задирают, считают себя господами, а тех, кто напротив поселился, нищетой.

У меня зазвонил телефон, я взяла трубку и услышала голос Несси:

— Степа! Мы сегодня к тебе едем?

Я взглянула на часы:

— Да, скоро заберу вас. Простите, Юрий Петрович, мне надо привезти актрису для рекламной съемки! Если что вдруг вспомню, непременно вам расскажу. Девушка, принесите, пожалуйста, счет.

ГЛАВА 4

— Очень волнуюсь, — засуетилась Несси, когда я вошла в квартиру, — прямо аж голос пропал.

Я подавила улыбку, чего-чего, а способности говорить Агнесса Эдуардовна никогда не потеряет.

— Нет причин для беспокойства, все чудесно получится.

— Это первый рекламный контракт Магды, — тараторила Несси.

Я посмотрела на собаку, которая в этот момент пыталась достать со стола печенье, и крикнула:

— Эй, эй! Немедленно забудь про крекер.

— Я так горда, что из сотен тысяч псов, которые хотели сняться в ролике, выбрали именно нас, — твердила Агнесса, быстро запихивая в сумку все, что попадалось ей под руку. — Вдруг Магда не справится? Ее выгонят с позором! Или главному герою-звезде пёсенька не понравится.

Я открыла сумку и стала проверять, что моя соседка Агнесса Эдуардовна решила прихватить с собой. Мы с ней живем в доме, в котором всего две квартиры, познакомились, когда я решила приобрести собственное жилье. У Несси есть собака Магда, ее породу я вам не назову. В псине, думаю, намешано много разных кровей. Хозяйка величает питомицу рыжебородой горно-пятнистой магерой¹. Я могу отличить кошку от немецкой овчарки, но все кисы для меня или пушистые, или нет, а собак я делю по размеру: большие и маленькие. Впрочем, я выделяю из общей массы пуделя, таксу, мопса. На кого похожа Магда? Похожего на нее животного в природе не существует. Представьте письменный стол президента, вы точно видели его, он попадает в кадр, когда телевидение снимает встречу главы государства с каким-нибудь человеком. Мысленно оберните помпезный стол клочкастым серо-буро-коричнево-черным мехом, поставьте на четыре высокие тощие лысые лапы — это туловище Магдюши. С одного конца прицепите ведро, тоже мохнатое, но рыжее, украсьте

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».

ушами, которым позавидуют все кролики мира, воткните чуть пониже огромные выпученные глаза, розовый нос (да, да, именно розовый), приделайте усы, за которыми не видно пасти. Это голова Магды. С ее противоположного конца находится хвост, по размеру, да и по виду он смахивает на садовый шланг, имеет колер, как спина молодой мыши. Хвост ведет себя удивительно, он способен скрутиться, как булочка с корицей, задраться вверх наподобие Останкинской башни или уныло волочиться сзади, как поводья, которые выронил пьяный кучер. К оригинальной внешности психны прилагается прекрасный характер, она всегда весела, люди, кошки, мыши, жабы, короче, все, кто дышит, — ее лучшие друзья. Аппетит у Магды отменный, хитрости, ловкости хоть отбавляй, со здоровьем полный порядок. Дурных привычек у Магдюши мало: валяние во всякой грязи, если она попадается на пути, воровство любых продуктов, если их забыли приколотить. Впрочем, и то съестное, что намертво прибили к столу, Магда вмиг отковыряет, разбоем она занимается тихо, быстро и очень ловко. Если я, войдя к Несси, не успеваю сесть на пол, то Магда, несущаяся со скоростью курьерского поезда, чтобы расцеловать меня, собьет девушку Козлову с ног. Но это не из вредности или злости, а от горячего обожания.

Сказать сейчас Несси, что никаких «миллионов собак», мечтающих получить рекламный контракт от «Бак», не было, я не могу. Когда нам пришла в голову идея съемок, то все, кто сидел на совещании, в один голос воскликнули:

— Магда! Второй такой не найти.

И «звезду» в кадр не приглашали, партнером псинки станет неизвестный широкой публике человек. Нет, не буду говорить правду. Агнесса почему-то решила, что ее питомицу выбрали из множества собак, и очень этим гордится.

Я вытащила из сумки банный халат.

— Зачем он вам?

— Ну и вопрос! — удивилась Несси. — А в чем из ванной выйти?

— В гостинице дадут, — заверила я, — и тапочки тоже!

— Не хочу надевать то, что до меня миллион людей носили!

Я попыталась возразить:

— Шлепки одноразовые. Халаты стирают.

— Со своими уютнее, — пробормотала Несси, запихивая вещи назад. — Ладно, уводи Магду, я спущусь через пять минут.

Усадив псину на переднее сиденье, я увидела Агнессу, которая вытащила из подъезда один чемодан, второй, третий...

— Зачем вам столько багажа? — не выдержала я, спеша на помощь. — Вы уезжаете на пару дней!

Несси показала на громадный кофр:

— Здесь корм Магды, ее одежда, шампунь, лежак, игрушки...

Я молча слушала перечисление всего необходимого. Бесполезно объяснять Захарьиной, что мы отправляемся не в глухую тайгу, куда пару столетий не ступала нога человека, а в Подмосковье, в боль-

шой город с магазинами. Она все равно поступит как хочет.

— В другом рундуке продукты: сыр, масло, крупа, макароны, — пела Несси, — кефирный грибок! Лекарства.

— Ласты взяли? — поинтересовалась я.

— У меня их нет, не люблю плавать в реке, — серьезно отреагировала соседка, — еще плитка при себе, чайник...

— С голоду мы явно не умрем, — резюмировала я.

— Конечно, нет, — заверила Несси, — я с запасом всего прихватила!

— А что у нас в третьем чемоданчике? — любопытствовала я.

— Вещи Базиля! — оповестила Несси.

Я подпрыгнула.

— Зачем он нам?

— Как? — изумилась Агнесса. — Мальчик не может ехать без вещей!

Я опустила глаза. Возглас «зачем он нам», неожиданно вырвавшийся у меня, относился не к багажу, а к Базилю. Кто он такой? Внук Агнессы Эдуардовны. Вес «малыша» давно зашкалил за центнер, а возраст перевалил через сорокалетие. Ребеночек, с полтонны теленочек, без зазрения совести сидит на шее у любящей его без границ бабушки... Ох, лучше мне остановиться. Не предполагала, что красавчик отправится с нами. А вот и он, своей собственной персоной подплывает к машине почему-то с кошачьей перевозкой в руке.

Мне совершенно не хотелось менять свою «букашку» на большой джип, но Роман, который никогда не давит на меня, в вопросе выбора автомобиля занял жесткую позицию, заявил:

— Или ты едешь на внедорожнике, который выбрал тебе муж, или катаешься в своей тарантайке, но на заднем сиденье, с водителем за рулем.

Пришлось мне осваивать «танк». Но сейчас я рада машине, которая размером почти с автобус. В мою старую иномарку всей гоп-компанией мы бы не поместились.

— Привет, Степа! — заулыбался Базиль.

— Здравствуй, — сдержанно ответила я, после кое-каких событий не выносившая «малыша». — Извини за любопытство, зачем тебе контейнер для кота?

— Ох! Ты не знаешь! — захлопала в ладоши Несси. — Неделию назад я подобрала Алекса. Магда его обожает! Он такой милый. Хочешь посмотреть на мальчика? Жаль, что ты, Степочка, теперь не живешь постоянно в доме!

— Не переживай, она разведется с олигархом и вернется, — радостно заявил Базиль.

— Укладывай свой багаж, — велела я «мальчику».

— Так спина болит, — заныл Базиль.

— Я сама, сама, — зачастила Несси, пытаюсь вылезти из салона, — мальчик плохо себя чувствует. Сама справлюсь. Господи, высоко-то как!

Я живо схватила чемоданы соседки, запихнула их в багажник и пошла к передней двери.

— Эй! А мои вещи? — заныл Базиль.

— Они мне не нужны, — ответила я.

— Я не поеду с пустыми руками, — выдвинул свое условие парень.

— И не надо! — обрадовалась я.

«Деточка» схватился за безразмерный кофр. Я устроилась за рулем. Через несколько минут джип осел, на заднее сиденье влез Базиль со словами:

— Весь позвоночник в негодность пришел.

— Неприятно, — посочувствовала я, заводя мотор, — придется тебе теперь ползать, как удаву.

— Степа меня совсем не любит, — заныл «крошка», — вечно придирается, ехидничает!

— Не переживай, милый, — возразила Несси, — тебя все обожают.

По салону неожиданно поплыл отвратительный запах.

— Несси! Ты прихватила тухлые яйца, и они разбились? — предположила я.

— Это Алекс пукнул, — ответила Агнесса, — ветеринар сказал: бедняга жил не пойми где, ел не пойми что, вот желудок и пошел вразнос. Сейчас мы лечимся. Скоро это пройдет. Но пока существует небольшая проблемка.

Я открыла окно. Надеюсь, «небольшая проблемка» мигом выветрится. Интересно, с какой частотой кот портит воздух? Хотя во всем плохом нужно найти хорошее. Если на нас сейчас на подмосковном шоссе нападут африканские пираты, Алекса, которого я пока не видела, можно использовать в качестве нервно-паралитической бомбы.

Я нажала на газ, помчалась вперед, радуясь от-

сутствию пробок, быстро добралась до нужной магистрали, покинула столицу и через несколько километров была остановлена мрачным гаишником, который сурово произнес:

— Добрый день. Сержант Корнев. Документы, пожалуйста. Почему человек на переднем сиденье не пристегнут?

— Он собака, — хихикнула я.

— Фамилия пассажира не важна, — протянул полицейский, — за отсутствие ремня штраф.

— Перед вами пес, — уточнила я.

— Я вижу женщину, — без тени улыбки заявил Корнев.

— Посмотрите на того, кто справа, это собака.

Гаишник обзрел Магду.

— Почему она не пристегнута?

— Покажите, где в правилах указано, что надо пристегивать собаку? — отбила я атаку.

— Четвероногие подлежат перевозке в специальных контейнерах, — не сдался сержант.

— Такого размера клетки не существует, — сказала я. — Магда больше вас. Вот Алекс у нас в перевозке!

— Да, да, да, — подхватил Базиль, высоко подняв пластмассовый домик и трянув его.

Дверца открылась, наружу появился... Простите, нет слов, чтобы описать ЕГО! У неведомого создания было тело кота, голова собаки, на лапах перепонки, на спине из шерсти торчал гребень, как у динозавра. Легким движением этот монстр прыгнул на собаку и сел ей на голову. Магда не сопротивлялась, похоже, ей на самом деле нравился

новый приятель. А мне стал виден хвост зверюги, мощный, пушистый, словно взятый напрокат у енота.

— Господи! Это кто? — ахнул сержант.

— Алекс, — хором ответили Базиль и Несси.

Корнев громко чихнул, я вздрогнула, Магда залаяла, Алекс поднял хвост...

Сержант зажал нос рукой.

— Проезжай, проезжайте!

Я живо покатила вперед.

— Правда, он милый? — защebetала Агнесса. —

И умный! Тихо сидит, понимает, что едет по делу.

Я обрела дар речи.

— Почему вы решили, что это кот?

— А кто? — изумилась пожилая дама. — Не слон же!

— На слона мало похож, — согласилась я.

— Он так плакал на улице, — шмыгнула носом Несси, — лапы ко мне тянул, просил: «Возьми, пожалуйста». Чудо, а не котик.

Я покосилась на монстра, который возлежал на голове Магды, свесив хвост. Да уж, чудо-юдо! Теперь вопрос: пустят ли Несси с Алексом в отель? Собаке там будут рады, это я выяснила заранее.

ГЛАВА 5

Алекса я пронесла в номер, замаскировав его «дом» курткой. На рецепшен стояла ярко окрашенная девушка, увидев Магду, она пришла в восторг.

— Красавица! Обожаю собачек. Вот кошек терпеть не могу! Фу! Они злые, царапают мебель!

Сами понимаете, услышав сие программное заявление, я решила сделать из Алекса нелегала. Предупредив Несси, чтобы она молчала про хозяина перевозки, я оставила ее обустроиваться, а сама пошла в небольшое кафе, чтобы в тишине выпить чаю. Представьте мое удивление, когда я увидела в крохотном зале единственную посетительницу: кассиршу Наташу. От неожиданности я вместо вежливого «Добрый день» ляпнула:

— Думала, что вы в больнице.

Сытина смутилась.

— Меня отпустили!

Я без спроса села к ней за столик.

— Безобразие!

Наталья испугалась.

— Ничего плохого я не делала. Вообще! Но если вам Зиновьев наябедничал, что я не помню, как магазин грабили, это правда. Я ужасно перепугалась.

— Я тоже затряслась, — призналась я, — страшно, когда на тебя винтовку нацеливают.

— Пистолет, — поправила Наташа, — я до сих пор дрожу.

Я поманила официантку.

— Наташа, мы остались живы, давайте отметим удачу. Угощу вас тортом.

— Спасибо, — не стала кривляться Сытина, — обожаю сладкое.

— Слово «безобразие» относилось не к вам, а к медикам, — пояснила я. — Ну как они могли отпустить домой девушку, которая пережила сильный стресс.

— Сейчас со мной полный порядок, — прошептала кассирша.

— Простите, не верю, — отрезала я. — У вас на голове большая рана?

— Нет, — пробормотала Сытина.

— А такую повязку навертели, — всплеснула я руками, — как после трепанации черепа. На гигантскую чалму смахивает.

— Да просто я башкой о пол треснулась, когда упала со стула, — пояснила Ната, — маленькая ссадинка.

Я принялась философствовать:

— Странная штука память. Когда я беседовала с Юрием Петровичем... Он вроде ваш сосед?

Сытина кивнула:

— Был раньше. Мы с мамой на четвертом, а он на шестом этаже жил. Я с его сыном в одной школе училась. Дядя Юра меня любит.

Я продолжала:

— Не получилось в момент разговора с полицейским вспомнить подробности происшествия. А сейчас у меня вдруг возникла четкая картина перед глазами. Бандит достает оружие, а вы падаете вместе с креслом на спину.

— Ой! Кошмар, — поежилась Наташа, — я хотела отъехать от аппарата, чтобы мерзавец сам деньги взял, наверное, слишком резкое движение совершила, вот и грохнулась!

— Как бы субдуральной гематомы не получилось. Вам МРТ головы делали? — заботливо спросила я.

— Вы врач? — удивилась Сытина.

— Нет, — сказала я, — но знаю, что травма мозга всегда опасна. Человек себя вроде отлично чувствует, и бум! Через пару дней после получения травмы умирает. Еще меня настораживает синяк вокруг правого глаза. Как вы его заработали?

— Не знаю, — пробормотала девушка, — доктор сказал, что это от удара. Черепом о пол стукнулась.

— Вы затылком упали, — напомнила я, — а глаза спереди.

— Кровь так потекла, — нашла объяснение кассирша.

— Повязка сползла, — вздохнула я.

— Где? — забеспокоилась Ната и начала ощущать свою макушку.

Я налила себе из френч-пресса чаю.

— Просто старый анекдот вспомнила. Женщина приходит на работу с замотанной ногой и говорит шефу: «Вчера не смогла явиться на службу, мигрень жуткая разыгралась, до сих пор голова забинтована». «А почему повязка на ноге?» — удивился босс. «Сползла», — ответила врунья.

— Глупая история, — пожала плечами Сытина.

— А мы в детстве смеялись, — сказала я, — но согласна, не умная байка. Наталья, вы вроде учились в мединституте?

— В училище, — поправила Сытина, — диплом получила, работала в Москве, а потом маму инсульт разбил. Одну ее дома на весь день и тем более на ночь не оставишь. Пришлось в Фурск возвращаться.

— Наверное, вы прогуливали лекции, — вкрадчиво сказала я.

— Да вы чего? — возмутилась моя собеседница. — У нас драконовские порядки были, пропустишь занятие, вмиг отчислят.

— Тогда странно, — вздохнула я.

— Что? — спросила Наташа.

Я кашлянула.

— Видите ли, я не первый год служу стилистом, работаю как с клиентами, так и на показах.

— Знаю, — кивнула Сытина, — вы с улицы пришли, потом за хозяина замуж вышли. Повезло вам. Теперь вы большая начальница.

— Прежде чем стать женой господина Звягина, я много кистей сломала, — отрезала я, — сделала карьеру до появления штампа о браке в паспорте.

— Не хотела вас обидеть, — занервничала Наталья, — просто так сказала.

Не надо говорить все, что на язык просится, прежде чем открыть рот, подумай: кому хорошо или плохо от твоих слов станет.

— Все крупные дома: «Шанель», «Гуччи», «Прада» и другие — обожают на неделях моды устраивать тематические показы, — продолжала я. — Один раз в Париже Сержио Оданоччи представил коллекцию «Блеск и нищета куртизанок». Использовал название романа великого французского писателя Оноре де Бальзака. Уж не знаю, как он с авторским правом разобрался, а на подиуме феерия получилась. С одной стороны шагали маргиналы с опухшими лицами, с прическами «гнездо бешеной курицы», с другой стиль «а-ля английская королева». Стилисты у Оданоччи гениальные, один из них, Фелипе, научил меня, как правильно ри-

совать синяк. Я тогда впервые услышала то, что вам, медсестре, хорошо известно: бланш меняется. В первый день он красный, спустя время фиолетовый или темно-синий.

Я невоспитанно показала пальцем на лицо собеседницы:

— Вот таким, как у вас, зеленовато-желтым след от удара станет через пять-шесть суток. Не раньше.

Наташа ойкнула. Я выхватила из сумки маленькую упаковку, выдернула из нее салфетку для снятия макияжа и, прежде чем Сытина опомнилась, провела ею по лицу вруньи. Как я и ожидала, белая бумага приобрела бежево-болотный оттенок.

— Нельзя пропускать лекции, — укорила я собеседницу, — неизвестно ведь, когда какие знания пригодятся. Зачем вы так разукрасились и голову повязали, словно по ней трамвай проехал?

— Мама болеет, — прошептала Наташа.

— Хотели ее повеселить? — предположила я. — Шоу клоунов?

Кассирша сложила руки на груди.

— Пожалуйста! Не говорите ничего Зиновьеву, он меня терпеть не может!

— Пять минут назад из ваших уст прозвучала фраза о любви Юрия Петровича к вам, — напомнила я.

— Я соврала, — шмыгнула носом девица, — Зиновьев меня с детства в любых пакостях подозревает. Разбил его Валерка в школе окно? Я виновата, мальчик передо мной покрасоваться хотел. Стал

его сын по электричкам с товаром бегать? Снова Сытина в ответе, она у Валерика подарки требует. Я мировое зло!

— Зачем вам синяк и повязка? — надела я на Наташу. — Вы были в сговоре с бандитами? Решили поэтому изобразить, как вам здорово досталось?

— Вот! — затряслась кассирша. — И ведь все так подумают. Знаете, каково это — в деревне жить?

Я показала на большое окно:

— Там город с населением почти полмиллиона.

— Нет, — резко возразила девушка, — там не ваша Москва, а штук двадцать сел убогих, которые одним именем Фурск называются. Если от столицы двадцать километров отъехать, зону элитных поселков миновать, то сразу деревня начинается, где мнение баб у колодца — самое правильное, и так оно вам судьбу перекорежит, что хоть вон беги. Я уехала в Москву, не собиралась никогда возвращаться. Да из-за мамы пришлось. Думаете, почему я здесь никак на службу пристроиться не могла? В Фурске несколько клиник, и частные, и муниципальные. Кроме того, можно сиделкой домашней наняться. У меня диплом. Почему никуда не попала?

— Из-за матери, — предположила я, — ее одну нельзя оставить, лежачему человеку пить-есть, в туалет ходить требуется. Как ее бросить?

Наташа рассмеялась.

— Она теперь ходячая! И памперсы на всякий случай есть. Прекрасно мама обходится, пока я на службе. Я пыталась в клинику попасть, да не взяли. Меня считают убийцей Валерки! Сына Зиновьева. Ясно?

Я не нашлась, что ответить, а Сытина продолжала:

— Он с собой покончил, из окна выпал.

— А вы при чем? — не поняла я.

Наташа махнула рукой.

— Долго объяснять. Если в двух словах, то Юрий Петрович считает, что я заказала у ведьмы заговор Валерке на смерть. И все поверили. Я пыталась объяснить, что это неправда. Да разве люди свое мнение переменяют?

— Маловероятно, — вздохнула я, которую вся фирма назвала любовницей Звягина задолго до того, как у нас с ним начался роман. Мы просто дружили, но сотрудники-то считали иначе.

— Когда Валерка умер, — продолжала Сытина, — мне устроили бойкот, пришлось уехать. Зиновьев не дурак, он как поступает при разговоре с кем-нибудь? Сначала похвалит меня, потом поcritикует, дескать, Сытина прекрасная девочка, но есть у нее небольшой грешок, бегаёт по колдуньям, заговоры на смерть заказывает. Через месяц вам кто-нибудь непременно о смерти Валерия расскажет, о том, что я его извела. И готово, вы выставите меня за дверь. Юрий Петрович на меня сразу бочку не покатит, потихоньку будет гадости вам сообщать. И, опаньки, я на улице. Зачем вам медсестра, у которой дурная слава? Поэтому мне пришлось забыть про свою профессию, выучиться в магазине сидеть. Все из-за дерьма, которое на меня Юрий Петрович льет.

ГЛАВА 6

— По какой причине мне вас на улицу выстав-
лять? — не поняла я. — Бегаете по знахарям? Да
на здоровье. Глупо, конечно, но у каждого свои
радости!

— Вдруг я на вас порчу наведу? — скривилась
Ната. — Все так думают!

Я махнула рукой.

— Не верю я в эти глупости. А раз так, то на
меня энергетические вампиры не действуют.

— Вы умная, а в Фурске идиотов масса, — сер-
дито сказала кассирша. — И откуда мне знать, как
вы относитесь к заговорам и куклам вуду? Повери-
те в чушь и меня коленом под зад.

— Хорошо, я поняла. Но зачем спектакль с си-
няком и бинтами? — спросила я.

Сытина сдвинула брови.

— Просто так.

Я посмотрела на девушку.

— Вам нужны деньги?

— А вам нет? — вмиг задала свой вопрос со-
беседница.

Я встала.

— Решили слупить компенсацию с фирмы
«Бак»? Травма, которая получена на работе? Наши
сотрудники застрахованы, но с каждым случаем бу-
дет разбираться компания...

— Нет! Как вы могли такое подумать! — возму-
тилась Сытина. — Я ни на секунду не мошенница!

— Как недавно вы справедливо заметили: мы
друг друга совсем не знаем, — усмехнулась я, —

внешность обманчива. Наталья! У вас испытательный срок на месяц?

Сытина прижала руки к груди.

— Пожалуйста, не увольняйте! Нам с мамой отсюда некуда уехать! Я еле-еле работу нашла.

Я взяла сумку.

— Не знаю, по какой причине вы решили устроить этот спектакль, но...

— Он не хотел в меня стрелять, — прошептала Наташа, — только никому ни слова. Умоляю. Боюсь, вдруг Зиновьев догадается!

Я села.

— Вы о грабителе?

Ната кивнула, я оперлась локтями о стол.

— Вы знаете бандитов? Они ваши приятели?

— Нет, конечно, нет! Я не вожусь с такими!

— Ничего не понимаю, — воскликнула я.

Сытина легла грудью на столешницу.

— Бандюга к кассе подлетел, пистолет в правой руке, он им перед моим носом машет, орет: «Давай деньги». И тут свист раздался, он на дверь взглянул, потом опять на меня. Я сижу, как дура, к стулу примерзла. А он сам как толкнет меня. Да так сильно, что я упала, и сразу выстрел прозвучал. Ясно? Вот, гляньте!

Девушка расстегнула верхние пуговицы платья.

— Синяк там, в районе ключицы. Сильно меня мужик пихнул, больно. Понимаете, касса стоит на одной линии с дверью, я сижу высоко. Он хотел пальнуть в тетку, та у порога стояла. Но мог меня задеть. Я между ним и той бабой находилась. Вот он меня и уронил на пол.

— Грабитель изобразил перед поделником, что угрожает кассирше, а сам спас вам жизнь? — уточнила я.

— Похоже на то, — согласилась Ната.

Я молча посмотрела на бордово-фиолетовое пятно и спросила:

— Ната, вы упали вместе со стулом?

— Ага.

— Во всех наших бутиках одинаковый дизайн. У кассиров ортопедические кресла с высокими спинками и подголовниками. Нам жалко спины женщин, которые сидят по двенадцать часов. У вас такое же?

— Да.

— Значит, вы никак не могли стукнуться затылком о пол.

— Не-а!

— И вообще вам не было больно! Спинка мягкая, вы просто испугались.

— Ну... верно...

— Видели, что делали грабители?

— Нет.

— Жаль.

— Выстрелов много гремело, но я знаю, кто ту тетку убил. Тот, кто меня толкнул.

— Вы лежали на полу за кассой. Бандит стоял перед аппаратом, а женщина у двери за вашей спиной. Как вы поняли, что пуля вылетела из оружия «утенка»?

— Зеркало, — всхлипнула Ната, — оно висит вблизи кассы. Если посмотреть в него, то видно, что вокруг тебя происходит.

— Верно, — протянула я, — такие устанавливают в целях безопасности во всех наших магазинах.

— Я лежала на спине, — прошептала Сытина, — подголовник большой, я как на подушке оказалась. Только шлепнулась, перед глазами изображение в зеркале. «Кролик» начал по товару пулять. Вот гад! Вы за деньгами пришли? Забирайте и уходите! Зачем продукцию уничтожать? «Утенок» оружие поднял и в тетку ба-бах! Потом к двери кинулся, «кролик» за ним.

— Почему вы все это не сообщили Зиновьеву? — возмутилась я.

— Неужели вы не поняли? — обомлела Наталья. — Он меня считает виновницей смерти своего сына. Как Юрий Петрович поступит, узнав, что грабитель меня на пол аккуратно уронил? Да я через пять минут в обезьяннике как соучастница окажусь. Вопрос у всех возникнет: почему в Наташку не пульнули? А? Зачем ее стул опрокинули? Спасли ее? Ко мне в Фурске очень плохо относятся, им только дай повод, разорвут, начнут визжать: «Да она с ними заодно, Сытина банду в бутик привела, наводчица она». И куда тогда нам с матерью деваться? Денег нет! Одна я могу в Москву уехать, сниму комнату, работу вмиг найду по профессии. Думаете, в мерзком городишке, где сидеть на кассе приходится, мне жить нравится? Да деться некуда из-за матери!

— Охота шла на женщину в белых кроссовках, — догадалась я. — «Звери» не грабители, а наемные убийцы. Киллеры убивают только свою жертву, отработывают гонорар. Лишние покойни-

ки им не нужны. Вот почему ограбление произошло в первой половине дня, когда в кассе денег кот заплакал. Не купюры преступников интересовали. Покупательница.

Я умолкла. Так уж получилось, что у меня есть несколько друзей, которые работают в полиции, и приятель, частный детектив, он не один год служил следователем, а потом создал свое агентство. А еще я когда-то влюбилась в... Нет, нет, нет, эту историю надо навсегда забыть. К чему я сейчас ударились в воспоминания? Как-то раз один из моих приятелей-сыщиков сказал:

— Настоящие наемные киллеры — редкие птицы, их раз, два и обчелся. Парни-охотники, которых привозят из Сибири, чтобы подстрелить конкурента в бизнесе, младенцы рядом с настоящим профи. С винтовкой обращаться умеют, а головы нет, устраивают шоу из заказа. Профессионалу шум-гам не нужен, он так дело состряпает, что все кончину объекта за несчастный бытовой случай примут. Пиф-паф на улице, в ресторане — это для устрашения окружающих, заявка остальным: отдавайте, люди, долги вовремя, а не то и вам достанется. Убийца высокого полета не в Сибири живет, не на Алтае, а в Москве, он твой сосед. Милая женщина с собачкой или мужчина вежливый, такой всегда дверь в подъезд девушке откроет. Они только по заказу жизнь отнимают, с остальными людьми в прекрасных отношениях. И семьи у них, и родителей-детей они любят. Убивают в одиночку. Впрочем, наемники классом ниже тоже никогда никого устранять группой не станут. Вот банк

ограбить компания нужна, а к праотцам человека спровадить лучше без партнеров. Это даже алкаш, который за бутылку пообещал женщине любовнице мужа до смерти избить, понимает.

Почему же «кролик» и «утенок» действовали вдвоем? Может, первый не знал, что задумал второй? Первый шел взять кассу, а второй убивать?

— Я впервые ту тетку, которую застрелили, видела, — заверила Наташа, — не знакома с ней никак.

— Случайная смерть при ограблении магазина, — протянула я. — Ну да! Полиция должна так считать.

— Пожалуйста, раз уж вы такая умная, все поняли, не выдавайте меня Зиновьеву, — взмолилась Сытина, — я специально прикинулась сильно травмированной, чтобы он на меня не подумал. Разве своего человека ранят? А мне вон как досталось! Голову вдребезги разбили!

— Так начальник полиции поговорит с доктором в больнице и узнает, что с вами ничего такого не стряслось, — ответила я.

— В карточке написано: сильное сотрясение мозга, обширная рана затылочной части, ее зашивали, синяки, ушибы по всему телу, — перечислила кассирша.

— Ловко, — восхитилась я.

— Моя лучшая подруга в клинике работает, — призналась Сытина, — в приемном покое ад, там травма, и «скорая» народ везет. Доктора замороженные, просят средний персонал: «Девочки, всех с фигней сами обрабатывайте».